

ЛИТЕРАТУРА О ЛЕНИНИЗМЕ.

(Обзор второй.)

Гр. Баммель.

Georg Lukács: Lenin. Studie über den Zusammenhang seiner Gedanken. Der Malik - Verlag. Wien 1924. S. 77.

(*Георг Лукач: Ленин. Исследование о системе его мыслей. Вена 1924 г.)*

А. Деборин: Ленин как мыслитель. Издательство «Красная Новь». Главполитпросвет. Москва 1924 г. Стр. 87.

I.

Я выпиываю эти два названия и на этот раз ограничусь ими: отвлекаться значило бы затушевывать границы, разделяющие различные подходы к вопросу, да и полезно вдуматься в противоположность в ее чистом виде, в противоположность, которая создается различным восприятием логики в пределах одного и того же вопроса. Оба — философы. И это делает их брошюры — легкие-легкие, листов в пять — тяжелее иных толстых томов о Ленине. Оба прошли сквозь огонь и воду и медные трубы теории. Оба — теоретики, отражающие каждый по-своему целую полосу в истории марксистской теории, точнее, философии, и одна и та же проблема в центре внимания у обоих — проблема марксистской диалектики.

Но, странное дело, они во всем различны. На мышление Лукача наложили своеобразную печать его эстетические занятия. Лукач еще недавно показал себя выдающимся эстетическим теоретиком Запада. Не наложило ли на его мышление искусство печать вечного тяготения к форме и ко всему формальному, увлечения системой, связью, соотношением и равновесием частей логической системы. Преобладание логической точки зрения во всем его мировоззрении есть, в сущности, преобладание этих понятий — абстрактных и деспотических. Для Лукача каждое понятие или практический шаг есть часть целого и такого целого, которое дано раньше своих частей. Для Деборина, наоборот, отношение к целому или системе приходит потом, когда единичное превращается или осуществляется в совокупном целом таких же единичных фактов. Деборин напирал на метод и при том метод отыскания и обоснования

ЛИТЕРАТУРА О ЛЕНИНИЗМЕ.

систематических связей. Поэтому Лукач напирает на систему и пишет «Систему марксистской диалектики». Деборин пишет «Историю диалектики» и выводит содержание диалектики из ее истории. Поэтому, увлекаясь системой, Лукач насилует метод марксизма и, в конце концов, систематизм и логицизм его мышления приходят к своей противоположности — утверждению метода как такового, самодовлеющего и независимого от практики. Деборин, подчеркивая содержание и результаты марксистского метода, лишает метод самодовлеющего значения и защищает содержание от насилующего его Лукача. Поэтому у Лукача все выходит блестящим по форме, а содержание растягивается на прокрустовом ложе формы. У Деборина форма не связана, не порождает из себя содержание, и вообще метод имеет значение лишь постольку, поскольку имеет применение в практической жизни. Берите в руки его книгу — она рассыпется; конечно, это проклятая наша издательская безграмотность, наше техническое варварство, — но во всем этом есть что-то и от внутреннего, напр., хотя бы то, что он забыл озаглавить две последние главы (и вообще тут что-то перепутано). Но зато, когда Лукач бросает все содержание марксизма на прокрустово ложе своего восприятия логики, то для того, чтобы его понять, надо быть Лукачем. Для понимания же Деборина не обязательно быть Дебориным. Чтобы понять Лукача, надо надеть на себя логические шоры и смотреть, все время в одну точку, где калейдоскопически чередуются, как в спектре, «отдельные моменты диалектического процесса», и, отдаваясь вместе с Лукачем музыкальной игре противоречий и зрелищу абстрактных: раздетых понятий, засыпать, подобно индусским философам, не читавшим Гегеля, в созерцании своего собственного пупа. И, несмотря на то, что мысль Деборина часто «растекается по дереву» и «лебедem во облацех», он весь понятен, он ближе нашему уму — и потому, что «марксистская диалектика» — не зашнурованная, как у Лукача, а подлинная живая — не выводится у него путем логического развития общего характера практических фактов политики или мировоззрений ленинизма, а трактуется постольку, поскольку сам предмет диалектичен, и потому, что его философские корни иные, «плебейские», как выразился бы Кант, *материалистические*. Для Лукача «диалектика есть теория истории» (S. 65, это — неверно, поскольку история берется у него в обычном смысле общественной науки), а так как Ленин это — сама история, то, естественно, Лукач бьет на логическое воображение и создает «глубокое» впечатление. Но если бы его остановили и указали на основы марксистской материалистической *теории познания*, то его материализм устыдился бы самого себя. Деборин исходит из Ленина как марксиста, Лукач — из гегельянизированного Маркса. Поэтому Деборин написал книжку о *философии* Ленина как марксиста, но ближе подошел к задачам, к самой сути *революционного мышления*. Книжка Лукача посвящена политическому учению Ленина как *революционного мыслителя*, но отходит назад от задач, от самой сути *философии марксизма*.

II.

Книжка Георга Лукача имеет своей задачей выяснить «связь между теорией и практикой Ленина». Автор исходит из того, что как раз эта связь не выяснена «с достаточной ясностью даже для многих коммунистов», в то время как все существо ленинизма заключается, по его мнению, в единстве практики и теории. А так как это единство, интересующее тов. Лукача, есть диалектическая связь теории, ставшей практикой, и практики, перешедшей в теорию, то и все внимание автора направлено на уяснение ленинской диалектики. Если подходить к книге тов. Лукача с этой точки зрения, то книгу надо определенно признать одной из лучших работ по марксистской диалектике в сочинениях Ленина. Для человека, у которого изощренная способность логической абстракции непрерывно ищет, где бы отметить «противоречие» и «самодвижение», жизненное дело Ленина представляет необъятное поле для «наблюдений». И в этом смысле тов. Лукач справился со своей задачей блестяще. Ни одна проблема ленинизма не ускользнула от ножа его диалектического анализа. Партия, война, буржуазная революция, государство, пролетарская революция, строительство социализма после захвата власти — все эти стороны ленинского учения у Лукача взяты в своей обнаженной диалектической сущности, и само изложение развивает вопрос за вопросом так, как если бы материалистическая диалектика сама раскрывалась перед читателем, принимая в себя все новые и новые моменты текучего движения жизни и практически вырастающего из нее мышления. Иногда кажется, что вот-вот здесь нащупана Ильичевская логика, там схвачено историческое мышление в его конкретном жизненном содержании. В особенности удачны в этом отношении как по форме, так и по существу две последние главы.

Но в логическом подходе к жизненному делу Ленина есть не только сила, но и слабость нашего автора. Тов. Лукач верно схватывает общее, верно схватывает все те моменты, в которых выражается переход, движение от теории к практике, — словом, верно схватывает теоретическое содержание данного практического шага Ленина, но он бессилён более или менее точно сформулировать (или, может быть, уяснить себе) конкретное содержание или целевое, тактическое значение данного практического факта прежде, чем «теоретизировать» по поводу него. В целом это — великолепный этюд по марксистской диалектике, но когда пытаешься прорваться сквозь абстрактно-логическую оболочку, облегающую все суждения тов. Лукача, и нащупать за нею «хоть что-нибудь» из мира настоящей ленинской *тактики*, да с настоящей сталинской прозрачностью, то чувствуешь, что все дело в этой оболочке, в методе и методе, и — в «словах, словах, словах».

«Вся человеческая практика, — говорит Ленин, — должна войти в полное «определение» предмета и как критик истины, и как практический определитель *связи предмета с тем, что нужно человеку*». Эта связь

ЛИТЕРАТУРА О ЛЕНИНИЗМЕ.

предмета «с тем, что нужно человеку» есть, в сущности говоря, все то преобразование гегельянства, которое составляет сущность марксистского понимания истории. Если брать предмет в «самодвижении», но не сделать этого одного шага к тому, что «нужно человеку», то вы рассуждаете, как гегельянец, но не как марксист. Но так именно рассуждает тов. Лукач.

Абстрактный формалистический характер его мышления и вообще всего его подхода к вопросам ленинизма отражается роковым образом на целом ряде единичных положений автора. Иногда эти единичные положения — мелочи, не имеющие принципиального значения, но в той связи, в какой они преподносятся, — а они преподносятся в связи с общей политической революционной теорией, — приобретают сугубо важное значение. Возьмем хотя бы то «теоретическое» положение, которым открывается книга: «Исторический материализм есть теория пролетарской революции. Он является ею потому, что его сущность образует умственное постижение того общественного бытия, которое производит пролетариат, которое определяет собою все бытие пролетариата» (S. 9). В такой категорической форме, это и верно и неверно. Исторический материализм можно назвать, если хотите, предпосылкой теории пролетарской революции (теории, понимаемой в широком смысле), но он никогда не был теорией пролетарской революции. Метод исторического материализма позволяет проникать в истинную природу всех существовавших революций, метод исторического материализма позволяет определять движущие силы революционного процесса и развивать объективные условия этого процесса, если даже речь идет о буржуазной, а не о пролетарской революции, но учение о движущих силах революции и о роли партии не есть теория исторического материализма. Следовательно, перед нами — слишком общее, слишком абстрактное понимание пролетарской революции, с одной стороны, и с другой — слишком узкое и, если хотите, слишком «книжное» понимание исторического материализма. Для Лукача предпосылкой исторического материализма является «мировая актуальность пролетарской революции» (S. 11). Но значит ли это, что теория исторического материализма сводится к теории пролетарской революции. Было бы правильнее сказать наоборот: теория исторического материализма составляет лишь одну из теоретических предпосылок теории пролетарской революции. Ленинская теория империализма составляет существенную часть теории пролетарской революции, но можно ли сказать, что она сводится к ней? Конечно, нет.

Но пойдем дальше. Как определяет тов. Л. основную идею ленинизма как практического единства теории и практики революции? Что такое «актуальность революции», которая, по его мнению, является «предпосылкой теории исторического материализма»? «Актуальность пролетарской революции» — любимая идея Лукача. Это понятие витает над всей книгой; каждая проблема из жизненного дела Ленина освещается в непосредственной связи с этим понятием. И это, разумеется, так и должно бы быть. Ленинизм и есть марксизм эпохи крушения капитализма и

пролетарской революции. Пролетарская революция есть факт, и этот факт делает нашу эпоху революционной, т. -е. эпохой, когда «революция актуальна», — чтобы выразиться словами тов. Лукача. Ленинская теория империализма и есть, строго говоря, доказательство этой «актуальности революции». Но как от «актуальности революции» переходить к объяснению и пониманию реальной революционной борьбы? «Актуальность революции» — общее положение, которое можно притянуть за волосы к чему-угодно и из которого путем логического развития можно вывести что угодно. Тов. Лукач совершенно прав, когда говорит, что она определяет собою «den Grundton einer ganzen Epoche». Вот именно! Спрашивается: каким образом «основная нота» эпохи, ее общий характер, может стать — «мерилом для решения каждого конкретного вопроса текущего дня». «Только это отношение единичных действий к этому центру (auf dieses Zentrum), который может быть найден точным анализом общественно-исторического целого (des gesellschaftlich-geschichtlichen Ganzen), делает единичные действия революционными или контр-революционными». Это очень туманно, — но продолжим цитату: «Дальнейшее развитие, проделанное марксизмом, благодаря Ленину, состоит только в том — только! ¹⁾ — в том, что он более внутренним, более явственным и более богатым последствиями образом связал единичные действия с общей судьбой, с революционной судьбой всего рабочего класса (in innigeren, sichtbaren und folgenschwereren Verknüpfung der einzelnen Handlungen mit dem Gesamtschicksal, mit dem revolutionären Schicksal der ganzen Arbeiterklasse). Это звучит радикально и торжественно, но прежде всего — туманно. И тов. Л. поправляется так: значение Ленина заключается в том, — говорит он, — что один только он «сделал первый шаг на пути к конкретизированию ставшего практическим марксизма», т. -е. к конкретизированию общей идеи об «актуальности революции» в нашу эпоху. Объясняет ли все рассуждение тов. Лукача, как эта общая идея может в известные моменты помочь нам ориентироваться в революционной ситуации? Нет, не объясняет. Не объясняет и тогда, когда Лукач конкретизирует свою мысль таким образом: «Пролетарскую революцию в порядок дня (Tagesfrage) поставило развитие капитализма». Можно подумать, что достаточно дальше развивать эту мысль, конкретизировать ее дальше, и мы нащупаем, в конце концов, ту «связь между теорией и практикой Ленина», уяснению которой посвящена вся книга тов. Л. Однако это было бы в корне ошибочным предположением, потому что речь идет не о формулировках, а об исходных пунктах: исходить ли из Grundton'a der ganzen Epoche и в нем искать объяснения идущей на наших глазах революционной борьбе, или из анализа движущих сил этой борьбы выводить общий характер эпохи. Ведь экономический принцип (=«развитие капитализма») в этой связи рассуждений Лукача сам по себе не в состоянии объяснить, как применять общую идею об «актуальности революции» к тому или иному вопросу. И вот что писал Ленин об экономической основе революции в России:

¹⁾ Подчеркнуто тов. Лукачем.

ЛИТЕРАТУРА О ЛЕНИНИЗМЕ.

«Это положение марксизма совершенно непреодолимо. Его никогда нельзя забывать, но его надо уметь применять. Конкретный анализ положения и интересов различных классов должен служить для определения точного значения этой истины в ее применении к тому или иному вопросу. Обратный же способ рассуждения, нередко встречающийся у социал-демократии правого крыла с Плехановым во главе их, т. е. *стремление искать ответов на конкретные вопросы в простом логическом развитии общей истины об основном характере нашей революции* есть оплошность марксизма и сплошная насмешка над диалектическим материализмом. Про таких людей, которые выводят, напр., руководящую роль «буржуазии» в революции или необходимость поддержки либералов социалистами из общей истины о характере этой революции, Маркс повторил бы, вероятно, приведенную им однажды цитату из Гейне: «Я сеял драконов, а сбор жатвы дал мне блох»¹⁾. Mutatis mutandis все это прямо относится к способу рассуждения тов. Лукача. Ибо для него все жизненные проблемы революции решаются так или иначе, смотря потому, связываем ли мы их с «актуальностью»... революции, или нет: автор ищет ответов на конкретные вопросы путем логического развития общей истины *о революционном характере нашей эпохи*. Что «актуальность революции» для революционной политики ленинизма ничего не объясняет — это можно доказать множеством примеров из книги тов. Лукача, но мы остановимся только на некоторых.

«Так как основной характер времени (Grundcharakter der Zeit) революционен, то каждую минуту может наступить остро-революционная (akut-revolutionär) ситуация» (S. 29). Но какими признаками отличается просто «революционная» ситуация от «остро-революционной» ситуации, тов. Лукач не выяснил или — точнее говоря — он не выяснил, что вообще дает нам право говорить об «остротности» революционной ситуации. И это — в порядке вещей, потому что к этому вопросу надо подходить не из «общих истин», но с другого методологического конца: — надо подходить из конкретного анализа положения и интересов различных классов, который определяет точное значение этой общей истины об актуальности революции в наше время в ее применении к тому или иному вопросу. «Из актуальности пролетарской революции следует, что буржуазия перестала быть революционным классом» (S. 19-20). Или далее: «В то же время актуальность революции означает, что брожение общества, распадение всего старого здания ни в коем случае не ограничивается одним пролетариатом, но захватывает все классы общества» (S. 27). Или еще: «Спор о характере и основной линии развития первой русской революции может быть решен только в том случае, если разрешен вопрос об основном характере нашей эпохи» (S. 35). «Погружение старого Интернационала в болото оппортунизма явилось следствием такой эпохи, революционный характер которой не был замечен на поверхности вещей» и т. д. (S. 51). «Актуальность революции выражается в актуальности

¹⁾ Ленин, Собр. Соч. III, 10.

проблемы государства для пролетариата» (S. 61). «Актуальность революции означает то, что социализм поставлен на очередь дня рабочего движения» (S. 62). Приведенных цитат, мне думается, достаточно, чтобы составить впечатление об общем характере книжки тов. Лукача. Если бы таким абстрагирующим, логизирующим образом мы судили о событиях нашей эпохи, — напр., о саксонском опыте, о Гамбурге и т. д., то относительная истинность этой общей идеи актуальности революции в нашу эпоху превратилась бы в свою противоположность, приобрела бы объективно вредное значение. Тов. Лукач говорит истины, но именно потому, что эти истины справедливы для всякой эпохи, в них нет гарантий того, что на данной конкретной ступени развития классовой борьбы они выражают то, что «нужно пролетариату».

Еще несколько слов о частностях. Например, надо отметить «своеобразное» понимание автором позиции Розы Люксембург. Он полагает, что последняя дала блестящее экономическое обоснование переходу капитализма в империализм, как в последнюю фазу своего развития, но это обоснование, мол, было «теорией современного империализма вообще» (S. 38, курсив Лукача), «теорией *целой* эпохи», но общая теоретическая правильность понимания ею *целой* эпохи не конкретизировалась у нее до отчетливого знания конкретных движущих сил. Ленинская же теория империализма, по мнению тов. Лукача, была менее всего «теорией его экономически необходимого возникновения и его экономических границ — подобно теории Розы Люксембург, — но была теорией конкретных классовых сил, действующих в империализме» (S. 39). У Люксембург была «правильная историческая перспектива, правильная и величественная характеристика *целой* эпохи, но, именно, эпохи в целом. И Ленину оставалось сделать только один шаг из теории в область практики. И этот шаг все-таки — этого не надо забывать — ознаменовал собою теоретический прогресс. Ибо это был шаг из области абстрактного в область конкретного» (S. 42). Выходит так, что ленинская теория империализма есть конкретизация люксембургской теории: накопления капитала. Ошибочность этого заключения настолько очевидна, что доказывать противное — значило бы ломиться в открытые двери ¹⁾.

Неприемлемо и отношение тов. Лукача к Ленину как к теоретику пролетарского государства. Он готов признать, что и в этой области дело Ленина — дело величайшей теоретической важности, но, говорит он, это «не было ни восстановлением теоретического учения Маркса о государстве, ни систематизацией его принципов, но это было — как и все остальное — дальнейшим перенесением учения в область конкретного, конкретизированием до актуально-практического». Здесь та же ошибка, что и в предыдущем случае. «Теоретик» с головы до ног, тов. Лукач доходит до того, что в угоду своим диалектическим шорам умаляет самостоятель-

¹⁾ Отсылаю читателя к статьям *Н. И. Бухарина*: «Империализм и накопление капитала», -- «Под Знам. Марксизма», №№ 4-5, 6-7, и к статье *Ш. Дволайцкого*, «Вестник Коммун. Академии», №5, 1923.

ЛИТЕРАТУРА О ЛЕНИНИЗМЕ.

ное научно-теоретическое значение Ленина и в этой области. Ясно, что без самостоятельного научного обоснования теории пролетарского государства, сколько ни «конкретизируйте» до «актуально-практического», все равно ничего не выйдет.

Дело объясняется очень просто: тов. Лукач замечает в нашем грешном мире только то, что изменяется по законам диалектики, и познает он этот мир только в понятиях тезы, антитезы и синтеза. Это очень хорошо, это, по крайней мере, радикально, потому что, как известно, диалектика составляет не одну из сторон, а именно всю революционную душу марксизма. Но какова сущность этого радикализма? Одно замечание, брошенное вскользь тов. Лукачем на стр. 65 его книги, бросает свет на этот вопрос. Он говорит там, что «диалектика ведь есть теория истории». Вот тут и «корень всего», по выражению Козьмы Прутова. Тов. Лукач отрицает применение диалектики к природе: диалектика, это — монополия общественно-исторического процесса, а так как все жизненное дело Ленина, как известно, было насквозь пронизано ясным пониманием и применением материалистической диалектики, то может показаться, что вся политика ленинизма льет воду на мельницу тов. Лукача. Но на самом деле его радикализм, все его понимание ленинизма предлагает ревизию марксизма в одном и существенном пункте — в *теории познания*. Если диалектика возможна только в общественно-историческом процессе, то, очевидно, это мы вносим ее туда, мы изменяем ее «диалектически». В самом деле, если бы тов. Лукач стоял на точке зрения материалистической теории познания, он должен был бы признать, что мы не можем мыслить диалектически, раз природа, отображаемая в наших мыслях, внутренне чужда и враждебна всякой диалектике. Следовательно, природа сама по себе, а мы сами по себе. Ясно, что тов. Лукач стоит на точке зрения дуализма, что всюду, где он говорит о «материалистической» диалектике, надо иметь в виду его идеалистическую гносеологию. Поэтому с виду он будто враждебен «созерцательному» материализму, с виду он активен, но именно с виду: по существу же идеалистическая гносеологическая основа его радикализма совершенно очевидна.

III.

Брошюра тов. Деборина, в своей основной и преобладающей части, представляет собою систематическое изложение книги Ленина: «Эмпириокритицизм и материализм». Основы материалистической теории познания, объективность истины, определение материи, пространство и время, мышление и бытие, критика физического идеализма, марксизм и этика, — все эти вопросы исследуются в книжке в живой, хотя и трудноватой для малоподготовленного читателя форме. Книжка принесет огромную пользу всем изучающим философские основы ленинизма. Главнейшие идеи «Эмпириокритицизма и материализма» тов. Д. приводит в связь с воззрениями Маркса и Энгельса, и вся его работа как бы является наглядным доказательством той мысли, что и в области

философии Ленин восстановил, солидаризуясь с Плехановым, а в некоторых пунктах и исправляя его, подлинное учение марксизма о философии, диалектический материализм.

Прежде чем говорить о значении книги в целом, мне бы хотелось остановиться на двух деталях. Трудно вяжутся у меня с духом ленинизма следующие слова: «Общество может при известных условиях стать предметом эксперимента. Природа противостоит нам, как нечто чуждое. Эксперименты там возможны лишь в ограниченных пределах... Ленин — великий социальный экспериментатор» (стр. 12). Это и звучит, да и по существу не так, — тем более, что на это указывает и все изложение тов. Деборина. И следующее место: «Когда Ленин писал свою книгу о материализме и эмпириокритицизме, он не мог предвидеть, что теория относительности, действительно, станет на такую точку зрения, по которой «после» и «раньше» могут меняться местами. Вовсе не обязательно, оказывается, чтобы я *раньше* родился, *потом* постепенно состарился и умер. С точки зрения теории относительности, я могу начать свою жизнь с конца и постепенно дойти до рождения. Однако, из теории относительности Эйнштейна *такие мистические выводы делаются*... Вопреки этой точке зрения, материализм будет отстаивать объективную, закономерную и необходимую связь между явлениями, между предшествующей причиной и следующим за ними действием. И материализм будет прав, потому что он стоит на почве конкретной и реальной действительности, а теория относительности имеет дело с чистейшими абстракциями, с математическими функциями» (стр. 44). Вот тут и не ясно: нужно ли отвергать теорию относительности только на том основании, что *из нее делаются мистические выводы*? Не уяснило ли бы весь этот вопрос различение философского понятия материи от научного понятия материи, пространства и времени?

Но все это такие детали, которые представляют собою скорее трудность и в общей связи книги чисто случайны. Огромное значение брошюры тов. Д. состоит в том, что ею положено начало теоретическому исследованию *философского метода* ленинизма. Недаром тов. Д. посвятил специальную главу «Марксизму и современной действительности», в которой в очень метких чертах он дает характеристику современных направлений в буржуазной философии на Западе; эта глава чрезвычайно своевременна, так как направлена прямо против философских кулис тов. Лукача и многих иных слишком много «философствующих» представителей западного марксизма. Овладеть философским методом Ленина значит тщательно изучить его философскую книгу «Материализм и эмпириокритицизм».

IV.

Современному русскому читателю, на первый взгляд, трудно подойти вплотную к этой книге, перегруженной полемикой и ссылками на иностранную литературу. Направленная против атаки ревизионистов, она

ЛИТЕРАТУРА О ЛЕНИНИЗМЕ.

иному может показаться по замыслу своему чисто «академическим» полемическим сочинением. На самом деле, более глубокое знакомство с книгой и историческими условиями ее происхождения показывает, что в кропотливо, тщательно подобранных цитатах из Маркса, Энгельса, Фейербаха, в ее пламенной критике и в то же время, если хотите, архакадемической «ученой» манере обосновывать свои рассуждения, — ни на минуту не перестает чувствоваться зоркий глаз строителя партии революционного марксизма. Письма Ленина этого года к М. Горькому показывают, с какой глубочайшей остротой воспринимал он философские разногласия среди большевиков. «Газету я забрасываю из-за своего философского запоя, — пишет он, — сегодня прочту одного эмпириокритика и ругаюсь площадными словами, завтра — другого и — матерными» (от 16/III, 1908). «Дайте мне полаяться по-философски», — пишет он другой раз (от IV, 1908). Особенно примечательна его философская солидаризация с Плехановым, что очень существенно, принимая во внимание существовавшие тогда фракционные отношения. В статьях этого же года он неоднократно высказывался категорически, что большевики никогда не станут делать поблажек «критике» марксизма, что большевики отстаивают «не букву своей, непременно своей фракционной теории, а общий дух и смысл революционной социал-демократической тактики» (XI, 328). И, конечно, недаром на статью «Марксизм и ревизионизм» Ленин смотрел, как на «формальное объявление войны», не терпящее никакой дипломатии (Лен. Сб. I, 101); недаром в письме к Я. Свердлову («Пролет. Рев. », V, 1922) он писал: «Вы видели газету до XII, 1908. С тех пор много воды утекло. С так называемыми «левыми» у нас — полный раскол, закрепленный весной 1909 г. Если вам случится увидеть мою книжку по философии (книгу эту я вам послал тотчас по выходе, т.-е. в начале лета 1909) и газету за 1908, то навряд ли вы скажете, что мы делаем уступки левоглупистам».

Обо всем этом надо было напомнить только потому, что подобные «биографические», политические корни ленинских произведений, написанных более 10 лет тому назад, уточняют их смысл и значение для нас, для современников иной политической эпохи, иной международной обстановки в идеологическом смысле слова. И уж совсем бесспорно то, что и такая книга, как «Материализм и эмпириокритицизм», написанная 16 лет тому назад, должна быть изучена не с точки зрения количества цитат или тяжести научного аппарата, а с оглядкой на современные формы, на формы развертывающейся на наших глазах классовой борьбы. Что говорили ревизионисты в 1908 году? «Материализм оказывается опровергнутым нашими смелыми воинами, — писал о них тогда Ленин, — которые гордо ссылаются на *современную теорию познания*», на *«новейшую философию»* (или *«новейший позитивизм»*), на *«философию современного естествознания»* или даже *«философию естествознания XX века»*.

Разве подобные голоса не раздаются и теперь среди марксистов? Кто не чувствует именно теперь, в наши дни непрерывного напора на марксистское государство всех разновидностей международного идеализма?

И не ясно ли, что чем больше будет расти международное значение Октябрьской революции, тем сильнее и, так сказать, непосредственнее будут напирать на нас враждебные нам идеологии? Представьте, в какой сложной идеологической обстановке придется бороться братским коммунистическим партиям, и вам станет ясно, почему те или иные социал-демократические пережитки в их рядах неразрывно связаны с определенными уклонами в области теории и, в значительной степени, в области философии. Что такое лозунг «большевизации партии», как не лозунг претворения в организационные формы марксистской теории? Реакцией на это идеологически очищающее влияние Октябрьской революции и является то напирание на нас враждебных нам идеологий, которое на наших глазах испытывает теперь русский марксизм.

Отсюда ясно, что научному исследованию философского метода Ленина должны быть поставлены две основные задачи: теоретически охватить и сформулировать ее *метод* таким образом, чтобы, пользуясь им, мы смогли выдержать «борьбу против натиска буржуазных идей и восстановления буржуазного миросозерцания», и, во-вторых, теоретически сформулировать все положительное *содержание* исследуемых в ней проблем таким образом, чтобы братские борющиеся партии на Западе, ввиду идеологической сложности окружающей их обстановки, не относились бессознательно к господствующему буржуазному миросозерцанию, но, разоблачая реакционность ее на солидном философском обосновании, не только оставались бы сами идейно монолитными, вылитыми как бы из одного куска стали, но и идеологически подготавливали бы массы для ведения решающей борьбы. Две задачи и — две стороны одной и той же проблемы: в марксистском государстве метод ленинизма составляет содержание марксистской теории, созидающей государство, в условиях же борьбы на Западе марксистским методом тактики и борьбы является содержание ленинизма. Две задачи и две стороны одной и той же проблемы: там — борьба за натиск, за овладение идеологическим влиянием, здесь — борьба против натиска враждебной идеологии. Две задачи и две стороны одной и той же проблемы: там — борьба за господство, у нас — разоблачение реакционных сторон напирających на нас философских школ.

«Надо помнить, — писал Ленин *два года тому назад*, — что из крутой ломки, которую переживает современное естествознание, родятся сплошь, да рядом реакционные философские школы и школки, направления и направленьица». Поэтому он советовал следить за всеми вопросами, которые выдвигает новейшая революция в естествознании и на которых «сбиваются» в реакцию интеллигентские поклонники буржуазной моды, и усваивать все то положительное, что скрывается не в «выводах» прихвостней интеллигентской моды, но в самих открытиях естествознания и что лишний раз подтверждает диалектический материализм. Это тем более необходимо, что «естествознание прогрессирует так быстро, переживает период такой глубокой революционной ломки во всех областях, что без философских выводов естествознанию не обойтись ни в коем случае».

ЛИТЕРАТУРА О ЛЕНИНИЗМЕ.

И в наши дни у нас, в марксистском государстве, делаются попытки «обновить» марксизм на основе этих неизбежных философских выводов из крутой ломки современного естествознания. Математическая философия, фрейдизм, эйнштейнизм, павловизм, — все это медленно, но упорно пробивает себе дорогу в марксистские умы.

Во всех этих теориях, несомненно, есть зерна положительного знания, которые войдут в науку, в плоть и кровь научного миропонимания и принесут ценные плоды. Но за эти теории хватаются интеллигентские поклонники модной философии и, прикрываясь терминологией науки — мантией научности, «новейшей науки», — подкапываются под теоретическую монолитность марксизма и подготавливают восстановление буржуазного мирозерцания. Конечно, разоблачать истинный смысл реакционной моды возможно не теоретическим «всенаплюйством», не замалчиванием вопросов, которые выдвигает новейшая революция в естествознании в широком смысле слова. Напротив, марксизм должен дать всем этим теориям «солидное философское обоснование», чтобы на них не «сбивались» в реакцию интеллигентские поклонники буржуазной моды. Не теоретическое «всенаплюйство» и органическое недоверие ко всему «новому», но ясное признание того, что о том, что представляют собою эти самые теории на данной ступени исторического развития науки, нельзя судить по тому, что думают о них отдельные выразители их. Было бы непростительной наивностью с павловизмом смешивать то, что пишет об И. Павлове небезызвестный Енчмен. Было бы столь же наивно думать, что фрейдизм и есть то, что пишет о Фрейде некий пастор Пфистер, издавший недавно книжку, «в которой доказывает связь между скупостью, запорами, половым воздержанием и капитализмом» ¹⁾. И уже для всех очевидно, что теория относительности Эйнштейна, это — одно дело, и совсем другое дело то, что думает об этой теории А. А. Флоренский, обосновавший посредством Эйнштейна систему Птолемея. Что касается математики... то идеалистические извращения в угоду реакционной моде возможны и здесь, но и здесь, как и в предыдущих случаях, вместе с водою — схоластикою математической логики — нельзя выплескивать и ребенка — диалектическую природу математического мышления.

Но, соглашаясь со всеми этими доводами, мы ни на одну минуту не должны забывать той самой беспощадной прямолинейности нашего мировоззрения, которая — среди современников — столь характерна для работ т. Деборина. Усвоив эту прямолинейность, эту партийность марксистского материализма, мы сможем отсекал реакционные тенденции «новейшей» философии и в завоеваниях «новейшей» науки открывать зерна положительного знания.

25 октября 1924 г.

¹⁾ Цит. по статье *Капелюша*, «Марксизм и египетский сонник», -- «Печ. и Рев.» № 5 за 1924 год.